

**«Верую и исповедую
животворящую силу правды...»
отец Фабиан**

«Мне известно, что члены "БНЦ"¹, ксендзы БЕЛОГОЛОВЫЙ и АБРАНТОВИЧ находятся в тесной связи с Ватиканом и являются его агентами... В 1923 году БЕЛОГОЛОВОМУ и АБРАНТОВИЧУ "БНЦ" было поручено организовать антисоветскую пропаганду среди белорусского населения на белорусском языке»².

Это показание было выбито на допросе 29-го июля 1937 года из арестованного поляка, бывшего депутата Сейма. Оно не имело смысла для ксендза Иосифа Белоголового, погибшего во время следствия, по слухам, «при попытке к бегству», и не могло быть использовано и против отца Фабиана Абрантовича³, живущего в то время в Харбине. Но как же оно пригодилось чекистам позже, когда вдруг, при неожиданном повороте судьбы, отец Фабиан попал в их руки:

«22-го октября 1939 года в районе Новоставцы-Корд совершил нелегальный переход границы государственных интересов СССР и Германии в сторону последней и ночью того числа, таким же путем, возвратился обратно».

Это первое предъявленное отцу Фабиану обвинение по статье 84, сначала, очевидно, не очень взволновало его, он надеялся спокойно все объяснить, тем более, что он сам пришел к пограничникам с просьбой о помощи. На первом же допросе во Львове он сообщил, что:

«Переходя границу, я был убежден в том, что, в связи с дружескими отношениями между Германией и СССР, переход границы между обоими государствами свободен».

Разве мог вообразить отец Фабиан, вызванный в апреле 1939 года в Рим из Харбина для отчета о проделанной за шесть лет работе, что, решив после поездки в Италию и Францию навестить родных и друзей в Польше, он, при захвате и разделе своей родины, неожиданно окажется на "территории СССР":

«Я приехал во Львов 13-го сентября, уже под огнем немецких бомб. Когда утром я зашел с визитом к митрополиту Шептицкому, тот предложил мне переселиться из гостиницы к нему, выждать занятия Львова немцами и потом следовать дальше. Я так делал. С 13-го по 22-ое сентября всем обитателям палаты Шептицкого, с самим хозяином во главе, пришлось сидеть денно и ночью в подземельях из-за обстрела и бомб. Я удивляюсь хладнокровию митрополита, который читал собирающемуся у него духовенству по-гречески Платона... 22-го Львов был занят Красной Армией».

Сначала отец Фабиан пытался получить визу на выезд в Харбин, потом — на выезд в Варшаву, но фронт еще не был установлен, и пропусков не давали. При попытке нелегально уйти на Запад он будет сначала арестован немецкими пограничниками, которые объяснят ему, что

¹ Белорусский Национальный Центр.

² Здесь и далее выдержки из документов Следственного дела АБРАНТОВИЧА Ф.И. // Центральный Архив ФСБ РФ. Дело № 512.

³ Абрантович Фабиан Иванович, родился в 1884 в Минской губ. В 1906 — окончил духовную семинарию, в 1910 — духовную академию в Петербурге со степенью магистра богословия, в 1914 — Лувенский университет магистром философии. С 1914 — преподавал в духовной семинарии Петрограда, с 1918 — ректор семинарии в Минске, с 1920 — служил и преподавал в Пинской губ., с 1926 — в монастыре "марьянов" в Друе Бреславского уезда. принес монашеские обеты. С 1928 — проживал в Харбине, с ноября Апостольский администратор для католиков восточного обряда и временно — для католиков латинского обряда в Манчжурии. В 1939 — отправился в Рим для отчета, через месяц выехал в Варшаву и Львов, оккупированный в сентябре Красной Армией.

переход границы запрещен, и ими же возвращен обратно на «территорию СССР», а позже — советскими пограничниками и отправлен ими во Львовское НКВД. На допросе он вынужден будет признать, что, хотя *«по совести считаю себя невиновным, но независимо от моей совести, получилось так, что я закон нарушил»*. Признание в нелегальном переходе границы СССР отец Фабиан подписал, но с оговоркой, что он *«признает себя виновным в переходе границы в сторону Польши»*, а не Германии, как настаивало следствие.

Уже на допросе 13 ноября 1939 года следствие требует от него признания в том, что он прибыл в Польшу из Японии *«со специальными заданиями разведывательного характера под видом миссионера-духовника»*, которое отец Фабиан признавать категорически отказался, но для чекистов он, нелегально перешедший границу СССР, да еще польский подданный, был вне закона, и они ему это очень "доходчиво" объяснили. Об этом в своих пояснениях к "Обвинительному заключению" он позднее заметил, что *«физическое воздействие, примененное ко мне во Львове, испортило в корне следствие, и я, считая, что "хочешь, не хочешь (виноват, не виноват), будешь виноват", подписал или не читая, или по принуждению, особенно после 19 декабря до конца 1939 года»*.

Именно, на ночном допросе 21-го декабря 1939 года отец Фабиан и подпишет написанные следователем показания в том, что *«после продолжительного молчания, которым я надеялся избежать признания, желаю изложить правдиво всю историю моей активной антикоминтерновской контрреволюционной деятельности, направленной против существования советской власти в СССР. Будучи членом религиозного общества католического вероисповедания, не верил в построение коммунистического общества не только в России, а, вообще, в любой стране, это меня противопоставило идеям большевиков, и я стал на путь активной борьбы с Советской властью»*.

Этим полстраничным признанием ночной допрос с избиением был прерван в 5 часов утра, а подробное описание *«активной борьбы с Советской властью»* было изложено на следующем ночном допросе того же дня, где отец Фабиан "признался" в том, что уже в марте 1918 года поддерживал *«политику буржуазии присоединение Белоруссии к Польше»*, будучи членом Учредительного Собрания в Минске от духовенства, а в 1919 году — пытался *«оторвать массы белорусского народа от влияния коммунистической партии большевиков и Советской власти»*, став во главе "Христианского объединения белорусов". Позднее, став священником, читал проповеди, направленные против коммунизма. Завершал отец Фабиан свои показания "признанием", что он является *«работником одной из иностранных разведок, по заданию которой проводил активную контрреволюционную, антикоминтерновскую работу против СССР, Чанчжоу-Го (Япония) и прибалтийских капиталистических стран»*.

И хотя, по ранним показаниям отца Фабиана, он был послан в Харбин в 1928 году Папой Римским с поручением *«организовать епархию в Манчжурии с центром в городе Харбин и организовать приюты и школы для воспитания в католическом духе молодежи, начиная с малолетнего возраста»*, ему пришлось подписать подробнейшие "чистосердечные" признания о том, что его *«антисоветская работа заключалась в публичных выступлениях на митингах с речами, направленными против коммунизма, Советской власти, в изданиях антисоветских брошюр, печатании ряда антисоветских статей»*, что он также являлся *«посредником в контрреволюционном украинском национальном движении против СССР в Китае и Западной Украине с целью отторжения от Советской Украины и создания, так называемой,*

"самостийной" Украины», что с 1928 года, являясь главой католической миссии в Харбине, он постоянно вел работу «по подготовке для враждебной деятельности против СССР кадров молодежи».

В январе 1941 года отца Фабиана отправили под усиленным конвоем из Львова в Москву, а 22 мая ему предъявили "Обвинительное заключение", в котором утверждалось, что подследственный «по своим убеждениям, политической и общественной деятельности является врагом революционного движения, врагом построения коммунистического общества и советской власти». Несмотря на это "признание" следствие продолжалось еще не один месяц, причем, продление срока следствия чекисты обосновывали тем, что им необходимо «выявить целиком его антисоветскую деятельность за кордоном, полностью выявить известную ему антисоветскую агентуру из числа католиков и выявить методы работы Ватикана против СССР».

При каждом допросе отца Фабиана заставляли подписывать все новые обвинения, причем, многие из них касались его прошлого, например, 19 марта 1941 года он "признался" в своей антисоветской деятельности в период 1918-1924 годов: «Руководимое мною христианское объединение белорусов ставило целью культурное и экономическое развитие белорусов на христианских началах и в этом смысле было против советской власти... Я проповедовал всегда против атеизма и атеистов, тем самым — против большевиков».

А 31 марта отец Фабиан записал многостраничные показания, ответив на вопросы следствия о католичестве, его миропонимании, истории католических орденов, истории униатства и т.д. При этом он был убежден, что, «ведя борьбу между собой за исцеление недугов человечества, стоя на противоположных мировоззрениях, мы должны добросовестно стараться друг друга адекватно узнать, иначе мы будем бороться со своими собственными ложными представлениями». Тем самым он пытался защититься от ложных обвинений политику Ватикана и рассказать правду о миссионерской работе католических священнослужителей и истинной деятельности Ватикана:

«Рим дает задания положительной, созидательной работы, а не деструктивной, революционной... Рим не торопится переделать человеческий мир, как это стремится русский, молодой, увлекающийся коммунизм... Рим, следуя учению Христа, старается облагородить внутренне природу человека, что является делом нелегким и потому — не скорого времени. Я всегда повторяю: если под антисоветским понимать все антибезбожное, все несоветское, то я в каждой пяди антисоветский и этого не скрываю и не таю».

Окончательно обвинение отцу Фабиану было предъявлено 15 августа 1942 года, при этом следствием было отмечено в протоколе, что Фабиан Абрантович «виновным себя в предъявленных обвинениях не признает и оставляет за собой право дать дополнительные письменные разъяснения по материалам следствия, а также мотивов непризнания себя виновным». Приведем некоторые пункты из этих разъяснений, написанных им до утверждения "Обвинительного заключения":

«Не будучи советским гражданином и не проживая на советской территории, я не мог нарушить советских законов и не могу потому нести ответственность за их нарушения.

Советского мировоззрения я не разделяю и против него.

Установка советская по отношению всего не советского такова, что всегда будешь виновен, особенно, если ты принадлежишь, исповедуешь какую-либо религию... Потому мои школы, печать, выступления против безбожия в Харбине являются "антисоветскими"...

По старому (римскому) праву никто не считается виноватым, пока ему не доказано этого вещественными доказательствами, по советским законам... арестованный должен доказать свою невиновность, что часто невозможно, ибо невозможно доказать то, чего не было... Будучи спокоен в своей совести, что все, что я знал, сказал следователю честно, без тени лжи, ибо верую и исповедую животворящую силу правды и смертоносность лжи и неправды, ожидаю правильного и справедливого решения моей судьбы».

"Справедливое" решение его судьбы состоялось 23 сентября 1942 года — Фабиан Иванович Абрантович решением Особого Совещания при НКВД СССР был приговорен к 10 годам ИТЛ⁴. На выписке из протокола Особого Совещания о приговоре есть карандашная пометка — Карагандинский лагерь, куда его должны были направить. Но в лагерь отец Фабиан так и не прибыл. Сейчас стало известно, что 2 января 1946 года он скончался в Бутырской тюрьме.

⁴ Заметим, что следствие предлагало приговорить его к 15 годам ИТЛ.